

БЕЗОБРАЗНЫЙ ПОСТУПОКЪ „ВѢКА“.

(Изъ моихъ литературныхъ воспоминаній).

ЭПИЗОДЪ, получившій въ свое время довольно громкую извѣстность подъ названіемъ «безобразнаго поступка Вѣка»,—эпизодъ очень любопытный, по моему мнѣнію, не только въ исторіи русской журналистики, но и въ исторіи русскаго общественнаго движенія шестидесятихъ годовъ, въ особенности по такъ называемому женскому вопросу. Эпизодъ этотъ относится къ 1861 г., и я считаю не лишнимъ предпослать разсказу о немъ, въ видѣ бѣглаго введенія, нѣсколько фактическихъ данныхъ, относящихся къ этому времени и къ моему тогдашнему литературному положенію.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ 1858 г. въ февралѣ. Мой литературный багажъ былъ тогда очень невеликъ: книжечка стихотвореній, изданная въ Одессѣ, и затѣмъ нѣсколько стихотвореній, которыя я изъ Тамбова послалъ Каткову, редактировавшему тогда «Русскій Вѣстникъ», и которыя онъ помѣстилъ тамъ, ошибочно озаглавивъ ихъ «Изъ Гейне», вѣроятно, потому, что они были написаны подъ сильнымъ вліяніемъ нѣмецкаго поэта и въ его духъ и тонъ.

Съ такимъ литературнымъ багажемъ я и пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Тамбова,—вѣрнѣе, бѣжалъ оттуда, потому что чувствовалъ, что если пробуду въ этомъ захолустьѣ еще немного, то или задохнусь, или окончательно опошлѣю. Въ Тамбовѣ (куда я попалъ совершенно случайно), я служилъ при знаменитомъ въ свое время

губернаторѣ Данзасѣ и редактировалъ неофициальную часть тамошнихъ «Губернскихъ Вѣдомостей»; въ сущности же только ухаживалъ за барынями, всѣмъ съ другими чиновниками губернатора, у которыхъ это занятіе стояло на первомъ планѣ.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ для того, чтобы посвятить себя литературѣ. Знакомыхъ въ литературной сферѣ у меня не было ни одного, кромѣ А. Я. Мейснера, съ которымъ я познакомился тоже въ Тамбовѣ, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ казенной палаты; въ литературѣ онъ занималъ очень маленькое мѣсто своими довольно нескладными и тяжелыми переводами изъ Гейне, или, какъ онъ называлъ его, «Хейне». Большимъ пріятелемъ его былъ извѣстный въ свое время поэтъ В. Г. Бенедиктовъ, авторъ знаменитыхъ тогда «Кудрей-змѣекъ», а въ ту пору, о которой я говорю, — и трескучихъ стихотвореній въ начавшемъ распространяться тогда «граждански-обличительномъ» духѣ. Этимъ направленіемъ заразился, въ бытность мою въ Тамбовѣ, и я, и когда прочелъ стихотвореніе Бенедиктова «Правда», то написалъ стихотвореніе въ такомъ же духѣ и послалъ его Бенедиктову. Онъ отвѣчалъ мнѣ очень любезнымъ письмомъ, но стихотвореніе ни одна редакція не напечатала. Такимъ образомъ и завязалось мое заочное знакомство съ Бенедиктовымъ, перешедшее въ личное и довольно близкое, когда Мейснеръ познакомилъ меня съ нимъ, и онъ ввелъ меня въ свой «кружокъ», въ которомъ фигурировалъ и понынѣ здравствующій поэтъ Платонъ Кусковъ. Бенедиктовъ, Мейснеръ и Кусковъ задумали тогда издавать журналъ, который они хотѣли назвать «Корни». Я былъ приглашенъ на предварительное редакціонное соглашеніе, съ почтительнымъ вниманіемъ новичка слушалъ объяснительныя рѣчи, главные пункты программы и тому подобное и почти ничего не понималъ.

— Чего же собственно вы желаете? — осмѣлился спросить я, когда былъ удостоенъ желаніемъ выслушать и мое мнѣніе.

— Мы хотимъ углублять корни.

— Куда и какіе? — полюбопытствовалъ я.

— Въ русскую почву. Чѣмъ глубже они проникнутъ, тѣмъ лучше.

Корни эти, однако, такъ и остались на поверхности земли, потому что вся редакціонная работа ограничилась нѣсколькими совѣщаніями въ такомъ же родѣ, въ какомъ было первое.

Бывалъ у Бенедиктова умершій недавно П. Л. Лавровъ. Хорошо помню одинъ вечеръ у автора «Кудрей», на который онъ позвалъ меня очень таинственно, сообщивъ, что будетъ прочтена «очень интересная, но и очень запрещенная вещь», только что написанная. Явился Лавровъ. Двери въ кабинетъ были тщательно заперты, прислугѣ было велѣно не входить, и Лавровъ вполголоса прочелъ намъ — «Размышленіе у параднаго подъѣзда» Некрасова!... Слушатели таинственно и даже съ нѣкоторымъ страхомъ пореглядыва-

лись между собою, тѣмъ болѣе, что чтеніе происходило въ казенной квартирѣ (Бенедиктовъ былъ въ то время однимъ изъ директоровъ государственнаго банка). А когда Лавровъ кончилъ, водворилась на нѣкоторое время тревожная тишина, которую хозяинъ наконецъ нарушилъ словами:

— Прекрасно... но нужна большая смѣлость, чтобъ писать подобныя вещи!...

Это происходило въ первой половинѣ 1858 года!...

Я обратился къ Бенедиктову съ просьбою доставить мнѣ занятіе къ какой нибудь редакціи, и онъ познакомилъ меня съ А. В. Старчевскимъ, редакторомъ «Сына Отечества», гдѣ Бенедиктовъ тоже сотрудничалъ. Старчевскій жилъ тогда въ домѣ Монферана, у Прачешнаго моста, на Мойкѣ (принадлежащемъ теперь Е. И. Ламанскому), въ квартирѣ, поражавшей роскошью и артистичностью своей обстановки и собраніемъ всевозможныхъ рѣдкостей. Въ спальнѣ, напримѣръ, какъ рассказывали люди, удостоившіеся проникновенія во внутренніе апартаменты (изъ сотрудниковъ допускались туда только «именитые»), стояла кровать, на которой спала нѣкогда Марія-Антуанетта, а теперь, послѣ несчастной королевы, почивалъ бывший тогда въ зенитѣ своего газетнаго могущества Альбертъ Викентьевичъ Старчевскій.

Онъ принялъ меня съ покровительственнымъ величіемъ и поручилъ мнѣ, какъ первую работу, написать о только что вышедшихъ трехъ томахъ «Исторіи Петра Великаго» Устрялова.

Я осмѣлился замѣтить, что никогда исторіей, особенно русской, не занимался, и что поэтому мнѣ будетъ весьма трудно исполнить эту работу.

— Вы еще молодой человѣкъ (мнѣ было тогда около 28 лѣтъ),— возразилъ редакторъ,— и относитесь къ дѣлу не такъ, какъ слѣдуетъ. Молодой человѣкъ долженъ обо всемъ умѣть писать—и объ исторіи, и о литературѣ, и о всякомъ другомъ предметѣ.

Деньги мнѣ были нужны тогда до зарѣзу, ибо я пріѣхалъ въ Петербургъ съ 8 рублями въ карманѣ, не имѣя, какъ уже сказалъ, почти ни одного знакомаго, и я поневолѣ согласился написать объ этихъ трехъ томахъ, для чего просилъ только времени, объясняя, что мнѣ, при моемъ собственномъ невѣдѣніи, необходимо ознакомиться съ тѣмъ, что уже было написано о новомъ трудѣ Устрялова, и хотя нѣсколько овладѣть историческимъ матеріаломъ, касающимся этого предмета.

— Я васъ покорнѣйше прошу,—строго замѣтилъ Альбертъ Викентьевичъ,—не читать ничего такого, потому что иначе вы скажете что нибудь чужое, а въ «Сынѣ Отечества» все должно быть совершенно самостоятельно и оригинально.

Написать я статью, а затѣмъ началъ печатать въ той же газетѣ и свои стихотворенія. Оригинально производилась плата за

эти поэтическія произведенія. У редактора была маленькая металлическая мѣрка, которою онъ отмѣривалъ напечатанные стихи, и платилъ не построчно, а «помѣрочно»—если память не измѣняетъ мнѣ, за каждую «мѣрку» я получалъ полтора рубля. Но и эта плата принималась съ благодарностію. Такого гонорара, какой получается теперь даже самыми скромными стихотворцами, тогда не видѣли и во снѣ, а печатать даромъ многіе (напримѣръ, Бенедиктовъ) даже считали за честь...

Бенедиктовъ познакомилъ меня и съ Дружининымъ, который былъ въ то время редакторомъ издававшейся Печаткинымъ «Библиотеки для Чтенія». Сперва я помѣщалъ тамъ стихотворенія оригинальныя и переводныя, а скоро былъ уже помощникомъ редактора и самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ. Количество исполнявшейся мною работы было по истинѣ изумительно; я одинъ писалъ очень значительную часть журнала: почти всю «литературную лѣтопись», современное обозрѣніе, переводилъ цѣлые романы, просматривалъ и исправлялъ чужіе переводы и т. п. Платилось за это все тоже весьма скромно: такъ, напримѣръ, за «современную лѣтопись» я получалъ по 35 рублей, сколько бы ни вышло ея въ номерѣ, а выходила она иногда до двухъ листовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Дружининъ, очень сблизившійся со мною, ввелъ меня въ свой кружокъ, въ которомъ неизмѣнно появлялись Тургеневъ, Гончаровъ, Некрасовъ, Василій Боткинъ и другіе. Собирались всѣ у Дружинина по четвергамъ, вечеръ проходилъ въ оживленныхъ бесѣдахъ, а къ десяти часамъ подавались неизмѣнныя котлеты съ горошкомъ, всѣ усаживались за круглый столъ, за которымъ предсѣдательствовала мать хозяина, и бесѣда принимала еще болѣе оживленный характеръ. Не могу, однако, сказать, чтобы эти разговоры были особенно содержательны и интересны въ литературномъ отношеніи, чтобы я, новичекъ, чуть не съ благоговѣніемъ прислушивавшійся къ каждому слову этихъ свѣтилъ, могъ вынести что нибудь существенное, вызывающее на работу мысль, обогащающее познаніями, расширяющее умственный кругозоръ. Дружининъ рассказывалъ игривые и часто циническіе анекдоты; Тургеневъ, являвшійся обыкновенно поздно (изъ аристократическихъ гостиныхъ) и во фракѣ, чѣмъ всегда вызывало добродушныя насмѣшки и остроты остальныхъ собесѣдниковъ, приносилъ разныя сплетни и остроумные рассказы о лицахъ, съ которыми онъ только что видѣлся; Боткинъ считалъ своею обязанностію сильно и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ ругаться; Гончаровъ сидѣлъ въ углу, большею частью молчалъ и проницательно улыбался. Некрасова я видѣлъ въ этой компаніи всего одинъ разъ.

Въ это же время я познакомился съ Краевскимъ и сталъ писать у него въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» «Литературную лѣ-

топись» и фельетоны; кромѣ того, стали появляться мои юмористическія стихотворенія въ начавшемъ тогда издаваться журналѣ «Весельчакъ», и наконецъ къ этой же порѣ относится рожденіе «Искры», гдѣ я съ самаго начала сдѣлался членомъ редакціи и впервые выступилъ съ псевдонимомъ «Гейне изъ Тамбова». Появленіе и распространеніе «Искры» было тоже очень любопытнымъ своего рода эпизодомъ въ исторіи русской журналистики и русской общественной жизни; когда нибудь я передамъ читателямъ свои воспоминанія объ этой порѣ самого жаркаго, могу даже сказать, бѣшеннаго разгара «обличительнаго» настроенія въ литературѣ и публикѣ... Въ настоящее время нельзя себѣ и представить, какъ жадно набрасывалась эта публика на каждый номеръ «Искры», какой авторитетъ завоевала она себѣ на самыхъ первыхъ порахъ, какъ боялись ея всѣ, имѣвшіе основаніе предполагать, что они могутъ попасть или подѣ карандашъ ея каррикатуристовъ, или подѣ перо ея поэтовъ и прозаиковъ,—съ какою юношескою горячностью наконецъ относились къ своему дѣлу и мы сами, хотя большинство наше состояло изъ людей совсѣмъ ужъ не такихъ юныхъ. Помню, напримѣръ, очень хорошо случай, когда въ Николаевѣ вывели изъ клуба одну даму, нисколько того не заслуживавшую, и въ газетахъ появилась корреспонденція объ этомъ «событіи». Боже мой, какую тревогу забили въ нашей редакціи! Мы составляли цѣлыя конференціи для обсужденія этого дѣла; мы говорили о немъ такъ, какъ будто вся Россія находилась въ опасности, мы писали статьи за статьями, мы подняли на ноги чуть не всю тогдашнюю газетную печать... А при воспоминаніи о томъ, какъ относилась къ нашему обличительному рвенію публика, припоминаю тоже, напримѣръ, тотъ фактъ, что когда въ № 9 «Искры» появилась, подѣ заглавіемъ «Аристидъ Термаламаки», написанная мною юмористическая біографія знаменитаго въ то время миллионера Б., то въ теченіе нѣсколькихъ дней число подписчиковъ возросло на 1.000 человекъ!

Но меня давно уже занимала мысль основать собственный журналъ. Цѣли мои были чисто литературныя; изящная словесность и критика—вотъ что ставилъ я на первомъ планѣ въ своемъ проектѣ, тѣмъ болѣе, что только эти двѣ области были мнѣ по сердцу, только въ нихъ я чувствовалъ себя какъ дома; къ внѣшней политикѣ я всегда питалъ какое-то органическое отвращеніе, въ вопросахъ внутреннихъ понималъ мало и важнѣйшими изъ нихъ интересовался постольку, поскольку поинтересуется ими всякій образованный человекъ. Но не включить эти отдѣлы въ программу журнала представлялось невозможнымъ, тѣмъ болѣе въ ту пору, когда эти «вопросы» выдвинулись на первое мѣсто, и когда публику, только что начинавшую вздыхать свободно, живѣйшимъ образомъ интересовало все, касавшееся внутренней жизни Россіи. Надо бы-

ло найти себѣ «компаньоновъ», которые были бы специалистами въ этихъ областяхъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ — и компаньонами матеріальными, такъ какъ мои собственныя денежныя средства были очень ничтожны). Прежде всего я обратился къ наиболѣе для меня близкому въ литературномъ мірѣ человѣку—Дружинину, и предложилъ ему соединиться со мною. Онъ отнесся къ дѣлу очень сочувственно, изъявилъ полное согласіе и посоветовалъ пригласить въ собственники и члены редакціи по тѣмъ отдѣламъ, которые и ему были чужды такъ же, какъ и мнѣ, извѣстнаго экономиста В. П. Безобразова и К. Д. Кавелина. Первый согласился войти въ «компаньоны», т.-е. сдѣлаться однимъ изъ собственниковъ, второй не захотѣлъ рисковать ничѣмъ и вступилъ въ редакцію на условіи полученія опредѣленнаго жалованья. Такъ образовался журналъ «Вѣкъ». Официальнымъ редакторомъ былъ утвержденъ я; на меня же, вмѣстѣ съ Дружининымъ, было возложено завѣдываніе литературною частью, Безобразовъ завѣдывалъ экономическою, Кавелинъ—публицистическимъ отдѣломъ. Замѣчу здѣсь,—это имѣетъ важность для послѣдующей исторіи «безобразнаго поступка Вѣка»,—что въ нашемъ журналѣ всѣ вопросы должны были рѣшаться непремѣнно большинствомъ голосовъ,—меньшинство должно было безусловно соглашаться съ рѣшеніемъ большинства.

Начали мы съ крайне скудными матеріальными средствами. Теперь должно показаться совершенно невѣроятнымъ, что для начала журнала мы внесли каждый по 500 рублей. Единственное крупное подспорье состояло въ открытіи намъ типографіею Безобразова и К^о кредита за печатаніе и бумагу, но съ тѣмъ, чтобы разъ въ 3 мѣсяца производилась уплата. И вотъ, вооруженные такимъ образомъ, мы выпустили объявленіе объ изданіи «Вѣка». Это было блестящее, небывалое до тѣхъ поръ объявленіе, по совмѣщенію въ немъ, въ качествѣ сотрудниковъ, пѣлой массы болѣе или менѣе громкихъ именъ, принадлежавшихъ всему, что было въ ту пору лучшаго въ беллетристическомъ и публицистическомъ мірѣ. И въ настоящее время громкія имена продолжаютъ составлять нѣкоторую приманку; въ ту пору (а вѣдь сколько было въ то время дѣйствительно громкихъ именъ въ литературѣ!) объявленіе «Вѣка», появившееся въ размѣрѣ громаднаго листа, произвело необычайную сенсацію; достаточно сказать, что въ концѣ декабря 1860 года вышло объявленіе, а къ 15 января 1861 года у насъ было 3.000 подписчиковъ, къ концу же февраля оно дошло уже до 5.000! И это произрастаніе происходило не въ силу только сгруппировки въ объявленіи столькихъ и такихъ именъ. Перечисленіе ихъ не было фиктивное—уже въ первыхъ номерахъ читатели встрѣчали стихотвореніе Некрасова, разсказъ Тургенева, очерки А. А. Потѣхина, повѣсти Дружинина, его же письма Чернокнижникова, статьи Безобразова, К. К. Арсеньева, Куломзина и т. п. Публика была, по-

видимому, вполне удовлетворена, но лично на меня журналъ уже послѣ шести—семи номеровъ сталъ производить какое-то удручающее впечатлѣніе. Беллетристика «Вѣка» не вызывала во мнѣ протестовъ; многое въ ней я печаталъ даже съ истиннымъ удовольствіемъ; но остальные отдѣлы повергали въ уныніе: все это было очень нравственно и благонамѣренно, очень умно, очень серьезно, но въ высшей степени скучно, тяжело, безцвѣтно... Кавелинъ отправлялъ свои лучшія статьи въ «Московскія Вѣдомости», которыя тогда издавались подъ редакціей его пріятеля Корша, а «Вѣку» давалъ, большею частью, очень незначительныя статьи, которыя притомъ иногда были только подписаны его именемъ, а на самомъ дѣлѣ писались по его указаніямъ студентами; сотрудники съ «именемъ», которыхъ онъ приглашалъ, запружали столбцы журнала тяжеловѣсными диссертациями, умѣстными въ ученомъ изданіи; но особенно смертоноснымъ для жизни нашего «Вѣка» оказывался отдѣлъ экономическій. Безобразовъ былъ человѣкъ очень свѣдущій, даже ученый, но—если могу такъ выразиться—какая-то путанная голова. Когда онъ говорилъ, не только объ ученыхъ, но и совершенно обыкновенныхъ предметахъ то понять его часто бывало очень трудно человѣку «непосвященному», профану (да, пожалуй, нерѣдко и специалисту!). Точно также и его статьи, иногда непророчно темныя по своей формѣ, лишеныя живого, общаго интереса по содержанію, на свѣжаго читателя должны были дѣйствовать гнетущимъ, отуманивающимъ образомъ. Въ такомъ же родѣ былъ и чужой матеріалъ, который онъ доставлялъ въ редакцію. Такъ, помню, однажды онъ вбѣжалъ ко мнѣ съ самымъ радостнымъ лицомъ и восклицаніемъ:

— Ну, я вамъ досталъ такую статью, которая еще болѣе подниметъ нашъ журналъ!

— Что же это? — съ нѣкоторымъ страхомъ полюбопытствовалъ я.

— Это статья о путяхъ сообщенія въ Оренбургскомъ краѣ. Авторъ — Сѣверцевъ, знаете, извѣстный путешественникъ. Вы и представить себѣ не можете, какое можетъ она имѣть значеніе. Не смущайтесь тѣмъ, что я дорого заплатилъ—по 200 рублей за листъ. А къ статьѣ я заказалъ еще большую карту—обойдется около 300 рублей; но зато какая карта!...

И воцарилось въ журналѣ то, что Добролюбовъ въ очень остроумномъ стихотвореніи называлъ «тишью да гладью»...

«Зрѣеть все, что было зелено,

говорилъ онъ въ «Свисткѣ» —

Правдѣ жидетси престоль.

Вѣкъ Дружинина, Кавелина,

Безобразова пришелъ.

«Вѣкъ Пожарскаго и Минина,

Дружбу книжи съ мисникомъ,
 «Вѣкъ» Кавелина, Дружинина,
 Возврати намъ цѣликомъ.
 «Въ «Вѣкъ» Вейяберга, Кавелина
 Будетъ всюду тишь и гладь,
 Ибо въ немъ для счастья вѣдно
 Всѣмъ законы изучать.
 «Вѣкъ» счастливый Безобразова
 Бѣдняка обогатитъ,
 Зрячимъ сдѣлаетъ безглазого
 И банкроту дастъ кредитъ...
 «Будетъ зрѣло все, что зелено,
 И свершится челоуѣкъ...
 «Вѣкъ» Дружинина, Кавелина,
 Черно книжника «Вѣкъ»!...

Шло у насъ все тихо, смирно,—и вдругъ 22 февраля разразилась гроза. Въ этотъ день появился въ «Вѣкъ» фельетонъ, подписанный «Камень Виногородовъ» и озаглавленный «Русскія диковинки»; подъ этимъ общимъ заглавіемъ я (Камень-Петръ, Вино—Wein, гора—Berg) вознамѣрился въ юмористической формѣ сообщать читателямъ обо всемъ, что появлялось въ русской современной жизни «дикуваннаго» и могло дать пищу юмористическимъ изліяніямъ. Первымъ матеріаломъ къ тому послужилъ мнѣ одинъ изъ фельетоновъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ то время редактировавшихся Краевскимъ. То была корреспонденція изъ Перми, гдѣ рассказывалось о музыкально-литературномъ вечерѣ, состоявшемся въ Перми 27 ноября 1860 года, и гдѣ корреспондентъ съ торжественнымъ пафосомъ описывалъ участіе въ этомъ вечерѣ жены статскаго совѣтника г-жи Толмачевой, «высокаго роста дамы, съ очень красивою, эффектною и замѣчательно выразительною наружностью»; эта дама выступила на эстраду и прочла передъ публикою «Египетскія ночи» Пушкина.

Я, пожалуй, не обратилъ бы вниманія на самый фактъ публичнаго чтенія этихъ стиховъ женщиною, еслибы не тѣ подробности, которыми обставилъ корреспондентъ свое восторженное описаніе. Такъ, напримѣръ, когда послѣ чтенія къ г-жѣ Толмачевой подошелъ какой-то смущенный этой декламаціей офицеръ съ Георгіемъ въ петлицѣ и сталъ «напирать преимущественно на чувство оскорбленнаго достоинства и потревоженной добродѣтели, вызванное чтеніемъ «Египетскихъ Ночей» у нѣкоторыхъ маменокъ и дочекъ», то чтица отвѣчала ему: «Это немножко странно; если мы всѣ, и мужчины, и дамы, и дѣвицы, читаемъ, не конфузясь, грязные французскіе романы, то было бы въ высшей степени смѣшно и дико не прочесть публично прекрасное, художественное произведеніе великаго поэта.. Не кажется ли вамъ ужъ особенно нескромнымъ выраженіе: «Кто между вами купитъ цѣною жизни ночь мою?» Но вѣдь если это не говорится, зато дѣлается на каждомъ

шагу; мы чуть не каждый день видимъ, какъ молодыя женщины продаютъ себя и не на одну ночь, а на всю жизнь, противнымъ, дряхлымъ, но богатымъ старикамъ. Аскетическое, растлѣнное воспитаніе безъ знакомства съ наукой и жизнью положительно губить нашихъ дѣвушекъ».

Еще интереснѣе было описаніе самаго процесса чтенія. «Большіе глаза г-жи Толмачевой,—пѣлъ пермскій бардъ,—то загорались, то меркли и погасали; все лицо ея измѣнялось безпрестанно, принимая то нѣжно страстное, то горделиво вызывающее выраженіе. Стихъ, слѣдующій за предложеніемъ Клеопатры купить ночь ея цѣною жизни,—извѣстный стихъ «И взоръ презрительный обводитъ вокругъ поклонниковъ своихъ» прочитанъ былъ дѣйствительно съ такимъ выраженіемъ презрѣнія и злой насмѣшки, молодая женщина такимъ взоромъ обвела при этомъ безмолвную толпу, что, будь это въ театрѣ, зала навѣрно потряслась бы отъ аплодисментовъ».

Когда я прочелъ эту корреспонденцію, она не только насмѣшила меня, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возмутила, — возмутила потому, что въ начавшемся въ эту пору и въ Петербургѣ весьма сильнымъ женскомъ движеніи при всѣхъ истинно прекрасныхъ сторонахъ и проявленіяхъ его обнаруживалось немало той же комической уродливости, которая нашла себѣ мѣсто (по крайней мѣрѣ, судя по описанію у пермскаго корреспондента) въ поступкѣ и рѣчахъ г-жи Толмачевой и которая, подавленіемъ въ своихъ внѣшнихъ формахъ всего женственнаго въ лучшемъ смыслѣ этого слова, вызывала осужденіе всѣхъ даже очень либеральныхъ, но трезво мыслящихъ людей. Подъ вліяніемъ этихъ ощущеній я и написалъ свой фельетонъ, написалъ въ томъ насмѣшливо-шутливомъ тонѣ, которымъ въ ту пору писались вообще юмористическія статьи, и отъ котораго теперь, когда я перечелъ свое произведеніе, пахнуло на меня довольно почтенною антикварностью...

«Въ честь г-жи Толмачевой, — восклицалъ я, приведя изъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» описаніе чтенія,—въ честь г-жи Толмачевой хочу я написать гимнъ, который будетъ начинаться словами: «О ораторъ, реформаторъ и эмансипаторъ! ваше слово смѣло, ново, мадамъ Толмачева! Теперь статьи Стюарта Милля, Михайлова и т. д. оказываются совершенно бесполезными, дѣло освобожденія началось. Русская дама, статская совѣтница, явилась передъ публикой въ видѣ Клеопатры, произнесла предложеніе «купить цѣною жизни ночь ея» и какъ произнесла! Къ вамъ, мои прекрасныя читательницы, обращаюсь я, къ вамъ взываю! Долой всякая стыдливость, долой женственность, долой свѣтскія приличія, васъ приглашаетъ къ этому г-жа Толмачева и почтенный панегиристъ ея, возгласившій міру о невѣроятномъ событіи устами «Петербургскихъ Вѣдомостей...». И затѣмъ, посмѣявшись надъ газетой,

давшей у себя пріютъ такому забавному панегирику, Камень-Виногоровъ спрашивалъ: «Не прочтеть ли г-жа Толмачева еще другое стихотвореніе Пушкина, тоже удивительное въ художественномъ отношеніе, начинающееся стихомъ «Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденіемъ»? Прочтите, прочтите, г-жа Толмачева! При чтеніи его можно еще лучше принимать вызывающее выраженіе и дѣлать еще болѣе выразительные жесты. Уже, коли эмансипироваться, такъ до конца! Зачѣмъ останавливаться на полдорогѣ!» Но среди этихъ насмѣшекъ, касавшихся собственно сущности дѣла, я (каюсь въ томъ теперь, какъ каялся и тогда) въ порывѣ своего возбужденія позволилъ себѣ и выходку личную, дѣйствительно достойную осужденія,—выходку по поводу вышеприведенныхъ словъ фельетониста о томъ, какъ декламаторша «Египетскихъ ночей» обвела толпу презрительнымъ взглядомъ. «Не совсѣмъ я понимаю только,—замѣтилъ я,—какое отношеніе имѣли посѣтители пермскаго литературнаго собранія, слушавшіе г-жу Толмачеву, къ поклонникамъ Клеопатры, а отношеніе, вѣроятно, было, потому что иначе зачѣмъ бы г-жѣ Толмачевой обводить толпу взоромъ «презрительной и злой насмѣшки!..».

Статью мою я прочелъ въ корректурѣ Безобразову и Дружинину (кажется, былъ при этомъ и Кавелинъ, но утверждать этого я не могу), они вполне одобрили и содержаніе, и тонъ ея (не замѣтивъ, вмѣстѣ со мною, только что упомянутой неприличности нѣсколькихъ строкъ), и, какъ сказано выше, въ злополучный день 22-го февраля «Русскія диковинки» появились въ свѣтъ.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ выхода номера я встрѣтилъ около Анничкина моста, на Невскомъ, Некрасова.

— Отлично, отецъ (такъ онъ называлъ хорошихъ знакомыхъ), отлично вы сдѣлали, что отдѣлали эту барыню... Такъ ихъ и нужно!..

Въ этомъ же родѣ сочувственные отзывы слышалъ я и отъ другихъ людей совсѣмъ не обскурантнаго, даже совсѣмъ не консервативнаго лагеря. Но мнѣ самому, когда я перечелъ уже въ печати свой фельетонъ, очень непріятно кинулась въ глаза нечистоплотность личной выходки, и я тотчасъ же отправилъ къ г-жѣ Толмачевой отъ всей редакціи «Вѣка» письмо, въ которомъ извинился въ тѣхъ нѣсколькихъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, которыя вкрались въ фельетонъ. Статья моя была напечатана въ № 8, а № 9 былъ уже сверстанъ, когда получилось, для напечатанія въ «Вѣкѣ», письмо Михаила Ларіоновича Михайлова. Такъ какъ номеръ былъ уже готовъ, то можно было сдѣлать только заявленіе, что получено письмо, и что по поводу его въ слѣдующемъ номерѣ («Вѣкъ» выходилъ разъ въ недѣлю) будетъ обстоятельное объясненіе; къ этому прибавлялось, что «касательно неосторожныхъ выраженій, вкравшихся въ статью Камня Виногорова, редакція,

еще до получения письма г. Михайлова, сама приняла всѣ мѣры и употребила средства, какими только располагать можетъ, для заявленія передъ г-жею Толмачевою чистосердечнаго своего извиненія». Но Михайловъ не дождался выхода № 10, и 3-го марта появилось въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» его письмо, исполненное самаго сильнаго негодованія.

«Слова Камня Виногорова,—писалъ онъ,—свидѣтельствуютъ о совершенномъ отсутствіи въ немъ всякаго нравственнаго чувства, всякаго сознанія обязанностей относительно общества, въ которомъ онъ живетъ, всякаго уваженія къ человѣческому достоинству и въ себѣ самомъ, и въ другихъ. Такой человѣкъ не можетъ быть терпимъ въ литературѣ, и судъ общественнаго мнѣнія долженъ навсегда заклеить его. Поступку Камня Виногорова нѣтъ названія. При всѣхъ темныхъ сторонахъ нашей литературы и журналистики, въ ней до сихъ поръ еще не встрѣчалось ничего, сколько нибудь подходящаго къ черной клеветѣ, имъ сочиненной». Въ чемъ Михайловъ усмотрѣлъ клевету, когда я только перепечаталъ то, что schwarz auf weiss стояло въ газетѣ Краевскаго, я не знаю. Но онъ этимъ не ограничился. «Нѣтъ, конечно,—продолжалъ онъ,—человѣка съ живымъ сердцемъ въ груди, который, зная настоящія общественныя условія и положеніе женщинъ, рѣшился бы публично оскорблять женщину и выдавать ее на посмѣяніе и обиды глупцамъ и невѣждамъ. И за что же? Зато, что она смѣло заявила свое пренебреженіе къ невѣжественнымъ предразсудкамъ». И дальше опять шла рѣчь о томъ, что я клеветалъ, что я искажалъ смыслъ слова Толмачевой, что я выводилъ какія-то циническія заключенія. Все это Камень Виногоровъ дѣлалъ «съ беззастѣнчивостью человѣка, у котораго вмѣсто сердца комъ грязи». Въ лицѣ Толмачевой Михайловъ находилъ оскорбленными «всѣхъ женщинъ», и молчать, по его мнѣнію, «было бы преступленіемъ».

Съ М. Л. Михайловымъ я былъ знакомъ довольно близко, мы бывали другъ у друга, обмѣнивались единомышленными мнѣніями, и потому это письмо его меня немало удивило: я зналъ его за сильнаго и благороднаго поборника женскаго движенія, но никогда не думалъ, что онъ приметъ мое осужденіе поступка г-жи Толмачевой за выраженіе оппозиціи именно этому движенію вообще. Зная его однако очень хорошо, я утѣшался убѣжденіемъ, что онъ дѣйствовалъ совершенно искренно, подъ вліяніемъ чисто-душевнаго взрыва, не допускавшаго никакихъ хладнокровныхъ обсужденій и соображеній. Тѣмъ не менѣе надо было отвѣчать не медля, тѣмъ болѣе, что въ разныхъ мѣстахъ тоже успѣли забить тревогу, и даже иные изъ тѣхъ, которые заявляли мнѣ, что съ удовольствіемъ прочли мой фельетонъ, мгновенно перемѣнили фронтъ. Такъ, въ самый день появленія письма Михайлова я встрѣтился съ Некрасовымъ въ театрѣ, и онъ подошелъ ко мнѣ со словами:

— Какъ это вы, отецъ, такъ неосторожно поступили?

— Николай Алексѣевичъ, да вы мнѣ что же говорили на Невскомъ?

— Да, я не разобралъ тогда,—я теперь вижу. Нѣтъ, оно дѣйствительно... не хорошо вы сдѣлали.

Тревога проникла и въ редакцію «Вѣка»; произошелъ самый сильный переполохъ. Дружининъ былъ вообще человѣкъ до робости сдержанный, пуще всего боявшійся «скандаловъ» въ литературѣ, въ чемъ, замѣчу кстати, заключалась, въ соединеніи съ его чисто эстетическими принципами, его крайняя непріязнь въ литературѣ ко всему, носившему въ себѣ хотя небольшіе признаки «обличительнаго» направленія. Прочтя письмо Михайлова, онъ, хотя нисколько не соглашаясь съ нимъ, но испугавшись, что подымется шумъ, что «начнутъ ругаться»,—совершенно упалъ духомъ. Кавелинъ отнесся къ дѣлу какъ-то уклончиво и послѣ разныхъ неопредѣленныхъ замѣчаній пояснилъ дипломатически, что, по его мнѣнію, «лучше бы какъ нибудь потунить дѣло». Безобразовъ же совѣтовалъ совѣтъ замолчать. Я понималъ, что молчаніе здѣсь немислимо, приводилъ всевозможные доводы, и наконецъ мнѣ кое-какъ удалось убѣдить моихъ сочленовъ, чтобы къ тому заявленію, которое я долженъ былъ сдѣлать собственно отъ своего имени, какъ автора «Русскихъ диковинокъ», они присоединили и объясненіе отъ всей редакціи. И вотъ въ слѣдующемъ номерѣ «Вѣка» появились два такихъ объясненія.

Въ томъ, которое исходило отъ редакціи «Вѣка», сперва упоминалось о принесенномъ уже редакціей нередъ г-жею Толмачевой извиненіи, и затѣмъ было сказано: «Затѣмъ мы смѣемъ думать, что со стороны нашей сдѣлано было въ этомъ отношеніи все, что только въ границахъ литературныхъ приличій и обязанностей могло быть сдѣлано... Обращаясь къ сущности юмористической замѣтки Камня Виногорова, редакція «Вѣка» позволяетъ себѣ рѣшительно не согласиться со взглядами на этотъ предметъ, высказанными въ статьѣ Михайлова, съ мыслями его о смѣлости женщины, становящейся посредствомъ подобнаго чтенія выше невѣжества толпы, о несчастіи тѣхъ, которые не могутъ сочувствовать такимъ проявленіямъ смѣлости женщинъ, объ оскорбленіи, нанесенномъ всѣмъ русскимъ женщинамъ нуткою надъ такими общественными явленіями и проч. Мы рѣшительно не понимаемъ, что можетъ выиграть общественное положеніе русской женщины отъ публичнаго чтенія Египетскихъ ночей».

Что касается до моего собственнаго отвѣта, то я называлъ статью Михайлова плодомъ совершенно разстроеннаго воображенія, результатомъ какихъ-то псевдо-донкихотскихъ, не желающихъ видѣть истины, стремленій. «Что вызвало мою замѣтку?—писать я. Ужъ, конечно, не желаніе очернить г-жу Толмачеву; положимъ даже, что у меня,

какъ изволить выражаться г. Михайловъ, вмѣсто сердца комъ грязи; но я такъ же, какъ и г. Михайловъ, не имѣю чести знать г-жу Толмачеву лично и, если г. Михайловъ узналъ ея имя въ первый разъ изъ статьи «Вѣка», то я узналъ его въ первый разъ изъ статьи «Петербургскихъ Вѣдомостей». Я произнесъ ея имя только потому, что это имя было прописано *en toutes lettres* корреспондентомъ «Петербургскихъ Вѣдомостей»; я не выводилъ на посмѣяніе женщину, а позволилъ себѣ обсудить только фактъ, сдѣлавшійся достояніемъ гласности. По моему глубокому убѣжденію, такой фактъ противорѣчитъ всѣмъ понятіямъ объ истинной женственности; по моему глубокому убѣжденію, между тою чопорною *pruderie*, на которую напалъ пермскій корреспондентъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», и совершенною беззастѣнчивостью есть еще большая разница... Передо мною была не г-жа Толмачева, передо мною былъ корреспондентъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», описывавшій чтеніе «Египетскихъ ночей» женщиною въ публичномъ собраніи и описывавшій это самымъ смѣшнымъ, самымъ циническимъ образомъ». Тутъ же я повторилъ извиненіе въ нѣсколькихъ «неосмотрительныхъ» выраженіяхъ, прибавивъ: «Я такъ высоко ставлю достоинство женщины, такъ свято чту ея права, что эти нѣсколько выраженій моихъ, вкравшихся совершенно невольно, безъ всякаго злого умысла, непріятно подѣйствовали на меня, можетъ быть, больше, чѣмъ на кого нибудь другого». И свое заявленіе я заключилъ словами: «Я продолжаю держаться твердаго убѣжденія, что такое стихотвореніе, какъ «Египетскія Ночи», при всемъ его великомъ поэтическомъ достоинствѣ, не можетъ быть читано женщиною на публичномъ вечерѣ, и что настоящее освобожденіе женщины не состоитъ въ окончательномъ сбрасываніи съ себя всѣхъ условій, налагаемыхъ на нее и обществомъ, и ея врожденною натурою».

Какъ бы то ни было, искра была брошена, въ набатъ ударили, и тревога поднялась самая сильная. Распространенію ея въ печати содѣйствовало одно совѣмъ специальное обстоятельство. 1861 годъ былъ послѣднимъ годомъ арендованія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Краевскимъ, и въ слѣдующемъ году онъ намѣревался выступить съ собственною газетою «Голосъ». Для Краевского, какъ и для огромнаго большинства издателей, всякая сильная конкуренція была острый ножъ, и когда вышелъ «Вѣкъ», когда Андрей Александровичъ увидѣлъ, что черезъ мѣсяцъ послѣ объявленія подписки у нашего журнала было 3.000 подписчиковъ, а еще черезъ мѣсяцъ 5.000, тогда въ сердцѣ его закипѣло озлобленіе. Но придратъся покамѣстъ было не къ чему, нужна была искра для того, чтобы зажечь пожаръ; эту искру бросилъ фельетонъ Камня Виногорова.

Письму Михайлова Краевскій (которому, конечно, въ душѣ не было никакого дѣла до женской «эмансипаціи» въ духѣ г-жи Тол-

мачевой) не только далъ немедленно и съ большою готовностью мѣсто въ своей газетѣ, но еще сдѣлалъ къ нему общій заголовокъ: «Безобразный поступокъ Вѣка», прибавивъ отъ редакціи, что она получила уже очень много протестовъ въ такомъ же родѣ и будетъ печатать подъ этимъ заголовкомъ, какъ всѣ полученные, такъ и тѣ, которые ему будутъ посылаться. Походъ дѣйствительно открылся. Немедленно вслѣдъ за письмомъ Михайлова появилась статья, подписанная инициалами Н. Ш. (я имѣю основаніе думать, что подъ ними скрывался Николай Шелгуновъ), возмущавшаяся за женщину вообще, усматривавшая въ моемъ фельетонѣ антиобщественный поступокъ, а о его авторѣ замѣчавшая, что «Камень Виногоровъ въ дѣлѣ мысли отличается всѣми качествами дикаго камня или, вѣрнѣе, дико каменнаго киргиза».

Третьимъ бойцомъ выступилъ князь Н. Цертелевъ. Онъ ужъ пошелъ въ самую глубь, возвелъ чтеніе «Египетскихъ ночей» г-жею Толмачевой на ступень важнаго общественнаго явленія, поставилъ его въ тѣсную связь съ развитіемъ «женскаго вопроса» вообще, патетически восклицалъ: «Мы отжили гнилые предрасудки, будто женщинѣ непозволительно заниматься тѣмъ, что признается изящнымъ и благороднымъ въ дѣятельности мужчины»... Мало того: князь счелъ нужнымъ обратиться и къ исторіи. «Весь образованный міръ,—поучалъ онъ,—признаетъ право женщины на свободное развитіе разума, на свободное избраніе дѣятельности... Въ исторіи мы видѣли, на всѣхъ поприщахъ жизни, славныя дѣйствія женщинъ, успѣвшихъ по особо счастливымъ обстоятельствамъ высвободиться изъ-подъ рутиннаго положенія въ обществѣ», и т. п. Заглянувъ въ прошедшее и почерпнувъ оттуда столь новыя вещи, авторъ кинулъ тревожный взглядъ въ будущее, и по поводу моего фельетона ощутилъ страхъ за будущее положеніе женщины, за ея развитіе въ обществѣ, выразилъ опасенія, что такая статья, какъ моя, можетъ заставить инныя «разумныя существа» остановиться «въ нерѣшительности и уклоняться отъ честной дѣятельности на благо человѣчества». Любопытно и благородно со стороны князя было то, что онъ въ своей филиппикѣ нѣсколько разъ называлъ въ кавычкахъ мои слова «донесеніе», указывая такимъ образомъ на инсинуаціонный ихъ характеръ, на желаніе автора «Русскихъ диковинокъ» обратить вниманіе кого слѣдуетъ на такіе ужасные, подрывающіе «основы», поступки какъ декламація г-жи Толмачевой.

Нѣкто Г—ко занялся раскрытіемъ псевдонима. «Камень,—догадывался онъ,—Петръ, Вино—Wein, гора—Berg»; ужъ не Петръ ли это Вейнбергъ, подписывающійся редакторомъ «Вѣка»? Но мы знаемъ дѣятельность г. Вейнберга и никакъ не думаемъ, что это написать онъ; и если мы не ошибаемся въ этомъ предположеніи, то совѣтуемъ ему выкинуть изъ своей редакціи такого сотрудника,

какъ «Камень Виногоровъ». Его возмущалъ не только мой фельетонъ, но и мой отвѣтъ Михайлову; въ этомъ послѣднемъ онъ ухитрился даже найти «сальности» въ родѣ словъ: «Чтеніе Египетскихъ ночей есть беззастѣнчивость, окончательное сбрасываніе съ себя всѣхъ условій, налагаемыхъ на женщину и обществомъ, и ея врожденною натурою», и т. д. и т. д. Выступили на сцену подъ флагомъ «безобразнаго поступка» и юмористы, напимѣръ, нѣкій «Икрыный статскій совѣтникъ и кавалеръ»; появились и дамы, напимѣръ, г-жа Жизнева, письмо которой состояло изъ общихъ и безцвѣтныхъ мѣстъ, но которая заявляла, что пишетъ отъ лица всѣхъ женщинъ (не представивъ, однако, отъ нихъ никакой законной довѣренности).

Много появилось и другихъ замѣтокъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»; вездѣ, гдѣ Краевскому представлялся поводъ ущипнуть «Вѣкъ», онъ не упускалъ благопріятнаго случая, и иногда это доходило до истиннаго комизма. Такъ, напимѣръ, какъ разъ въ это время умеръ Шевченко, и я написалъ объ этомъ въ очень, конечно, сочувственномъ тонѣ, съ выраженіемъ глубокаго прискорбія, при чемъ, говоря о послѣднихъ дняхъ жизни поэта, выразился, что «смерть тащила нѣсколько дней его къ себѣ». И вотъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» напустились на меня: что значить «смерть тащила»? Какъ можно такъ безцеремонно глумиться? это—кошунство надъ смертью—и т. д. и т. д. Другіе журналы тоже не молчали. Изъ нападавшихъ я помню только «Искру», гдѣ я все это время продолжалъ быть сотрудникомъ. Курочкинъ заѣзжалъ ко мнѣ, смѣялся надъ декламаціею г-жи Толмачевой, смѣялся надъ всѣмъ этимъ патетическимъ шумомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавался, что «Искрѣ» публично невозможно стать на нашу сторону, а вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно молчать—и вотъ въ «Искрѣ» появилось стихотвореніе, правда, остроумное, гдѣ героемъ фигурировалъ растерзанный Камень Виногоровъ. Такого же мнѣнія были и Елисѣевъ, въ то время одинъ изъ главныхъ членовъ редакціи «Искры». «Я бы все хотѣлъ сдѣлать для Вейнберга,—сказалъ онъ Степанову,—я тоже смотрю на этотъ фактъ, какъ на очень смѣшной, но онъ затрогиваетъ такіе вопросы, съ которыми надо считаться. Нечего дѣлать, — спасти Вейнберга нельзя» (я буквально помню это выраженіе), и была напечатана «передовая статья», а Степановъ нарисовалъ и карикатуру. Въ одномъ «Современникѣ» не было ничего сказано объ этой исторіи; только въ «Свисткѣ» Добролюбовъ упомянулъ вскользь, двумя, тремя словами о «безобразномъ поступкѣ «Вѣка», но скорѣе съ насмѣшкой надъ тѣми, которые изобрѣли это «безобразіе» поступка, чѣмъ надъ самымъ поступкомъ; но затѣмъ никакихъ насмѣшекъ. Тревога проникла и за границу. Кавелинъ написалъ объ этомъ эпизодѣ Герцену, не сказавъ однако намъ, его товарищамъ по редакціи, ни слова о своемъ

письмѣ и, вѣроятно, представивъ насъ, особенно меня, въ очень неблагоприятномъ свѣтѣ. Говорю, «вѣроятно», судя по отвѣту Герцена Кавелину—отвѣту, который, уже много лѣтъ послѣ того, нашелъ въ изданныхъ въ 1892 году за границей «Письмахъ К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену».—«Что ты возишься,—писалъ Герценъ Кавелину 15-го мая 1861 г.,—съ вашимъ журналомъ и Виногоровымъ. Брось его. Редакція завралась—этого не поправишь отвѣтами, и вопросъ такъ сталъ, что les dieux будутъ не съ вашей стороны. Тебѣ-то что за радость, что и твое имя поминаютъ вмѣстѣ съ Вейнбергомъ»¹⁾).—А еще незадолго до того—замѣчу это кстати—я помѣстилъ въ «Колоколѣ» стихотвореніе, сюжетомъ котораго было дѣяніе одного, въ ту пору очень вліятельнаго сановника,—и Герценъ, черезъ посредство одного изъ знакомыхъ, видѣвшихся съ нимъ за границей, просилъ меня давать ему почаще такой матеріалъ...

А мы во всей этой тревогѣ хранили упорное молчаніе. Я понималъ, что этимъ мы себя губимъ, сами топимъ свой журналъ, что надо было продолжать борьбу и въ юмористическомъ тонѣ, и серьезно,—однимъ словомъ надо было сражаться. Но я говорилъ выше о принципѣ большинства голосовъ въ нашей редакціи; Безобразовъ и Дружининъ (Кавелинъ уже не принималъ участія въ редакціи) молили и требовали, чтобъ мы были нѣмы, какъ рыбы,—и «Вѣкъ» продолжалъ выходить въ той же тиши, глади и божьей благодати, съ тѣмъ же экономическимъ грузомъ, съ тѣми же «путями сообщенія въ Оренбургскомъ краѣ», а вокругъ насъ въ тогдашней неширокой прессѣ все шумѣло, и кипѣло, и возбуждало общество противъ насъ. О «безобразномъ поступкѣ Вѣка» сходились молодежь, да и зрѣлые люди, толковать, точно на политическіе митинги; я получалъ массу писемъ, и анонимныхъ, и не анонимныхъ (жалѣю, что при своихъ позднѣйшихъ переездахъ потерялъ эти образцы краснорѣчія), самаго ужасающаго содержанія. Трудно въ настоящее время даже представить себѣ силу и размѣры этого возбужденія.

Однажды явилась ко мнѣ депутація—около пятнадцати женщинъ и мужчинъ. Я принялъ ихъ очень вѣжливо и освѣдомился о причинѣ посѣщенія.

— Вы Камень Виногоровъ?—спросили они меня.

— Я Камень Виногоровъ.

— Вы писали фельетонъ «Русскія диковинки?»

— Я писалъ фельетонъ «Русскія диковинки».

— Вы оскорбили г-жу Толмачеву. Въ лицѣ ея оскорблена вами

¹⁾ Издатель этихъ писемъ, покойный Драгомановъ, сдѣлалъ къ вышеприведеннымъ словамъ Герцена пояснительное примѣчаніе, въ которомъ «выходка» журнала «Вѣкъ» забавно названа «антисемитическою!» Вѣрныя, стало быть, имѣлъ свѣдѣнія Драгомановъ о «безобразномъ поступкѣ».

женщина вообще, оскорблено все либеральное движеніе нашего общества, и мы требуемъ чтобы вы публично принесли покаяніе, заявили печатно, что вы признаете себя презрѣннымъ человѣкомъ.

Я нашелъ это требованіе довольно милымъ и оригинальнымъ и попросилъ депутатовъ и депутатокъ удалиться.

— Въ такомъ случаѣ, вы поплатитесь за это дѣло и даже, можетъ быть, своею жизнью,—грозно произнесли они и удалились.

Жизнью я, однако, не поплатился, и вообще эта буря постепенно начала охлаждаться, затихать. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и Некрасовъ, и другіе стали выражать иное мнѣніе объ этомъ дѣлѣ; мнѣ говорили, что и самъ Михайловъ (онъ былъ вскорѣ послѣ того арестованъ, и я его больше не видѣлъ) сознавался потомъ, что онъ погорячился, и что, еслибъ это было теперь, онъ бы своей филиппики не написалъ.

Тѣмъ не менѣе дальнѣйшая судьба «Вѣка» складывалась очень печально, чему, однако, содѣйствовала не только исторія съ г-жей Толмачевой. Онъ началъ падать, и падать очень сильно, какъ въ литературномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Подписка почти совсѣмъ прекратилась. Кавелинъ не только вышелъ изъ состава редакціи, но и совсѣмъ пересталъ писать (у него въ это время произошло большое семейное несчастье—смерть сына), остальные сотрудники перестали присылать статьи, всѣ громкія имена мало-помалу исчезли, мы остались съ самыми скромными силами, и только Безобразовъ неутомимо продолжалъ запруживать журналъ экономическимъ матеріаломъ, да Дружининъ отъ времени до времени выступалъ съ фельетонами Чернокнижникова, которые постепенно дѣлались все болѣе и болѣе безцвѣтными. Надъ «Вѣкомъ» уже независимо отъ его «безобразнаго поступка» стали подсмѣиваться въ разныхъ журналахъ, задѣвали его такіе тогдашніе тузы, какъ «Новый поэтъ» въ «Современникѣ», образовалась даже юмористическая поговорка: «Вѣкъ не проживетъ вѣка». У меня опустились руки,—я видѣлъ, что мнѣ одному трудно справиться съ такимъ печальнымъ положеніемъ дѣла, видѣлъ, что изданіе начало давать сильныя убытки, что долгъ типографіи увеличивался, а она настоятельно требовала уплаты,—и съ уныніемъ устремлялъ взоры въ будущее. Но это не помѣшало мнѣ, когда Безобразовъ и Дружининъ въ виду такого «финансоваго кризиса» нашли лучшимъ совсѣмъ ретироваться изъ состава редакціи и отказаться отъ правъ собственности, — это не помѣшало мнѣ принять все на свой рискъ, и съ 1-го ноября 1861 года «Вѣкъ» перешелъ въ мое исключительное завѣдываніе и исключительную собственность; Дружининъ и Безобразовъ остались сотрудниками, то-есть, на самомъ дѣлѣ милостиво позволили оставить ихъ имена въ списокъ сотрудниковъ (чему я, особенно относительно второго, могъ только порадоваться). Теперь, съ развязанными руками, оставшись полнымъ хозяиномъ, я мечталъ, что преобразую журналъ, сдѣлаю его легкимъ, живымъ,

вполнѣ литературнымъ; ко мнѣ примкнуло нѣсколько молодыхъ литературныхъ силъ; имѣлъ я въ виду и пріобрѣтеніе нѣкоторой суммы денегъ, къ чему присоединилась и надежда если не на большую, то хотя на приличную подписку... но всѣ планы и надежды рушились самымъ жалкимъ образомъ, когда выяснились первые результаты этой подписки на 1862 годъ.

Изъ 5 тысячъ слишкомъ подписчиковъ къ февралю 1862 года оказалось—192 человекъ! Денегъ у меня не было рѣшительно ни копейки, долги все росли—оставалось продать журналъ. Тутъ появилась «компанія» покупателей, въ которой находились между прочими Елисеѣвъ, Шелгуновъ, Серно-Соловьевичъ. Они предложили мнѣ за «Вѣкъ» 1.800 рублей. Я съ радостью согласился и на эту плачевную сумму, но и изъ нея не получилъ ни одной копейки. А когда я, прождавъ нѣсколько времени послѣ заключенія нашего условія, обратился къ Елисеѣву (онъ стоялъ во главѣ этой компаніи) съ просьбой заплатить мнѣ, онъ отвѣчалъ письменно: «Рѣшительно не понимаю, почему это дѣло васъ такъ интересуетъ». На томъ наши финансовыя сношенія и покончились. Но на мнѣ лежало теперь около 10.000 рублей долгу; изъ нихъ большая часть—тысячъ семь, кажется, приходилась типографіи Безобразова. Мой ех-сотоварищъ, В. П. Безобразовъ, былъ одинъ изъ главныхъ и крупнѣйшихъ компаньоновъ фирмы, владѣвшей этою типографіею, но это обстоятельство не воспрепятствовало тому, что на меня было подано ею ко взысканію; мало того, въ то время существовало долговое отдѣленіе не для однихъ только купцовъ, какъ теперь, — и вотъ въ одно прекрасное утро, уполномоченный типографіею явился ко мнѣ съ любезнымъ приглашеніемъ—или уплатить хотя значительную часть моего долга, или, согласно состоявшемуся судебному рѣшенію, сѣсть въ это гостепріимное учрежденіе. Предпочитая проживать на собственной квартирѣ, я прибѣгнулъ къ средству избавиться отъ грозившей мнѣ перспективы. Въ долговое отдѣленіе нельзя было сажать чиновниковъ, получавшихъ на службѣ жалованье—оставалось мнѣ сдѣлаться такимъ чиновникомъ, предоставивъ моимъ кредиторамъ законный вычетъ изъ моего жалованья. По женѣ моей я состоялъ въ родствѣ съ Ф. Н. Устряловымъ, стоявшимъ тогда во главѣ интендантскаго управленія; онъ принялъ меня къ себѣ, и я сталъ усердно писать доклады о заготовленіи фуража разнымъ аугсбургско-дармштадтскимъ имени герцогини Виртембергской полкамъ, оставляя ихъ, когда это было можно, на время для того, чтобы вынимать изъ своей столоначальнической конторки Шекспира и переводить его для Гербелевскаго изданія!.. Впослѣдствіи я выплатилъ типографіи Безобразова весь свой долгъ до копейки, и съ Владиміромъ Павловичемъ мы оставались до самой его смерти въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Петръ Вейнбергъ.

